

— Вы профессор!

Лань Юйчжи кивнул. Лишь титул, не более. Почетный выпускник, почетный ректор, почетный профессор — какая, в сущности, разница? Хотя в своей области он, безусловно, мог бы справиться с должностью профессора финансов, вряд ли кто-то смог бы заставить главу клана Лань читать лекции.

— Потрясающе! — восхитился Цинь Юань. — По-моему, уже одно то, что человек учится в университете, — это круто, но быть профессором — это что-то совсем невероятное. Кстати, меня зовут Цинь Юань, Юань от слова юаньбао!

Цинь Юань. Лань Юйчжи медленно повторил это имя про себя.

— Спасибо вам. Хотя я и завидую, но сам учиться в университете не хочу.

Говоря это, Цинь Юань слегка смутился. Он подался вперед, понизив голос, словно доверял тайну:

— Меня только что нашли мои настоящие родители. Они такие богатые! Теперь мне больше не придется подрабатывать. Я не хочу учиться, это так тяжело. Я хочу жить легко и счастливо, есть много вкусной еды и заниматься тем, что мне по душе.

Для прежнего владельца этого тела учеба действительно была тяжким бременем. Пока приемные родители были живы, отец работал водителем, а мать торговала на рынке. После школы мальчик помогал им по хозяйству. Жизнь была нелегкой, но в доме царили согласие и трудолюбие. Однако после того, как отец погиб в аварии, всё рухнуло. Все сбережения ушли на лечение, мать начала работать день и ночь, но в итоге сама слегла от истощения. Цинь Юань начал совмещать учебу с подработками, пока не исхудал до костей.

Мать, видя, как сын тает на глазах, терзалась от того, что стала для него обузой. Она продержалась ровно год, до того момента, как Цинь Юань поступил в старшую школу. Перед смертью она открыла ему правду:

— Юань-Юань, на самом деле мы не твои настоящие родители... Мы нашли тебя в мусорном баке в больничном коридоре.

В те времена в больницах часто случалось подобное: в мусорках находили брошенных или уже мертвых младенцев. Дети, которые были не нужны, которые стали обузой или просто оказались не того пола — причин было множество. Приемные родители, выходцы из трущоб, работали в той больнице на самой грязной работе. Они привыкли к таким картинам: мертвых утилизировали, живых отдавали в приют. Но тогда малыш Цинь Юань был таким милым: круглые глазки, пухлые щечки. Стоило матери заглянуть в бак, как младенец заулыбался и схватился крошечными пальчиками за её палец, а заодно и за её сердце.

Они взяли его к себе, надеясь, что родители одумаются, но никто не пришел. С тех пор они жили только ради него, не имея сил и средств на других детей.

— Найди своих настоящих родителей, Юань-Юань. Когда меня не станет, тебе будет очень тяжело одному. Мама не хочет... не хочет, чтобы ты оставался совсем один в этом мире.

Слезы матери лились бесконечно, как капельницы в больнице, и Цинь Юань не мог их остановить.

— Может, тогда это была случайность! — Мать словно ухватила за последнюю надежду, вцепившись в его руку. — Точно! Это была случайность! Вдруг они до сих пор тебя ищут? Ищи их, Юань-Юань... Юань-Юань...

После смерти матери, узнав о своем происхождении и пережив череду несчастий, Цинь Юань лишился последней опоры. Он мечтал учиться, чтобы обеспечить маме хорошую жизнь, но теперь смысл этой борьбы исчез. Искать родителей? Что он, подросток без гроша в кармане, может сделать? Учиться? Даже с пособием от школы, как быть с долгами семьи?

Он отказался от учебы, выбрав бесконечные подработки. И именно в тот момент, когда долг был погашен, объявились его биологические родители. Он — младший господин семьи Цинь из Хайши. Он должен был расти в любви и заботе, не зная нужды, не копаясь в отбросах и не ночуя в сыром подвале.

Поэтому...

— Я просто хочу быть счастливым, я не хочу учиться...

Тяжелое давление жизни, где учеба была лишь непосильной ношей, и леденящее одиночество, пропитавшее память этого тела, нахлынули на душу Цинь Юаня. Даже не прожив это сам, он физически ощутил удушье, которое когда-то поглотило того мальчика.

— Это выглядит так, будто у меня нет стремлений?

Разве человек не должен хоть раз пожить легко? Цинь Юань вспомнил того изможденного подростка и снова утвердился в своем решении.

— Нет, — мягко улыбнулся Лань Юйчжи. — Нет такого закона, что человек обязан к чему-то стремиться. Думаю, каждый хочет заниматься любимым делом и жить в свое удовольствие. У каждого есть право выбирать ту жизнь, которую он хочет, разве не так?

Он вспомнил выражение лица юноши: ему всего-то около двадцати, он просто слишком устал от тяжелой жизни. Кто может требовать от него не бояться и не мечтать о свободе?

Цинь Юань кивнул.

Вау, 888, как же он складно говорит! Почему я не могу так же красиво выражать мысли? Все-таки образование — великая вещь!

888: Работа тоже великая вещь! Какой ценный опыт — прожить столько жизней в разных мирах!

Ты тоже умеешь красиво говорить, — пробормотал Цинь Юань и решил продолжить расспросы: — А как ты думаешь, такой человек, как я, может кому-то понравиться?

Лань Юйчжи опустил взгляд. Юноша смотрел на него с надеждой, приоткрыв губы, словно жаждал ответа. Возможно, Лань Юйчжи смотрел слишком долго, потому что уши Цинь Юаня начали краснеть, хотя взгляд оставался прямым. Он поспешил добавить:

— Я... я имею в виду мою семью! Они все такие важные люди. А еще тот парень, с которым нас перепутали... Говорят, он очень красивый, все его любят. Слуги в доме говорят, что он не только хорош собой, но и невероятно талантлив в музыке. А я не умею играть на пианино, у меня нет талантов, я ничего не умею...

Но ведь любят не за достоинства.

Цинь Юань прижал руку к сердцу, прошептав эти слова про себя. Заметив, что голос юноши становится всё тише и он явно расстроен, Лань Юйчжи поспешно ответил:

— Симпатия может возникнуть из-за внешности, таланта, родства или богатства. Но настоящая привязанность возникает к человеку как к личности. Именно потому, что это ты, твоя внешность и таланты становятся ценными. Если бы это был кто-то другой, всё потеряло бы смысл. Поверь, даже если отбросить всё внешнее, в тебе всё равно остается то, за что тебя можно любить.

Однако... Слуги за спиной обсуждают хозяев, а юноша всё это слышит. Похоже, родители не слишком заботятся о нем, раз он до сих пор ходит в старой одежде. Взгляд Лань Юйчжи потемнел, он погрузился в свои мысли.

Цинь Юань восхищенно подумал: Система, он так красиво говорит!

Система 888 уже не светила: Прощайте, мои маленькие крылышки...

<http://bllate.org/book/21339/2165439>